

Получив молчаливое согласие, Цинь Чжэн мигом сбросил верхнее одеяние и накинул его на плечи Су Цзыцина. Приноровившись, он закинул мальчишку себе на спину и, сделав знак женщине, скользнул в чашу, уводя их в другую сторону.

Су Хань наблюдал за происходящим с ветвей раскидистого дерева. Цинь Чжэн строго-настрого запретил ему спускаться и тем более выдавать себя. Понимая, что на сей раз ему придётся расхлёбывать кашу, заваренную обуянным жаждой геройства старшим братом, юноша сгорал от нетерпения, но послушно сидел на месте. Едва беглецы скрылись из виду, Су Хань спрыгнул вниз. Опасаясь, как бы лежащие без чувств преследователи не очнулись раньше времени, он щедро наградил каждого увесистым ударом дубины по затылку. Лишь после этого, со спокойной совестью, он взобрался обратно на свой пост.

Прошёл добрый час. Рассудив, что Цинь Чжэн успел увести спасённых на безопасное расстояние, Су Хань нехотя принялся приводить преследователей в чувство. Он наспех перевязал рану громиле, которому старший брат проткнул живот мечом, и состряпал нехитрую ложь. Мол, отлучился на минутку по нужде, воротился — а все спят без задних ног. Что стряслось, знать не знает, подозрительных личностей в глаза не видел. Поскольку добыча ускользнула, а дело принимало скверный оборот, перепуганные преследователи поспешили обратно с докладом. Так Су Ханю удалось без труда обвести их вокруг пальца.

Тем временем Цинь Чжэн пробирался глухими тропами. Ещё до прибытия на гору Облачного Помоста он велел разузнать её устройство, и сведения о многочисленных пещерах пришлось как нельзя кстати. Выбрав самое уединённое прибежище, он, не переводя духа, дотащил измождённую женщину и её искалеченного сына до скрытого среди скал грота. Лишь под надёжным каменным сводом беглецы смогли наконец перевести дыхание.

Едва они перешагнули порог, как женщина, больше не в силах сдерживаться, глухо закашлялась, захлёбываясь подступившей к горлу кровью. Она тяжело осела на землю, так как ноги её больше не держали. Цинь Чжэн, на спине которого всё ещё сидел Су Цзыцин, испуганно бросился к ней, пытаясь удержать от падения.

Она привалилась к холодному камню. Она дышала прерывисто и слабо, с хрипом выдыхая воздух; она понимала, что минуты её сочтены, и не отрывала угасающего взора от сына.

Цинь Чжэн осторожно опустил мальчика на землю. Едва коснувшись пола, Су Цзыцин, преодолевая боль в искалеченных ногах, пополз к матери. Грудь её платья потемнела от запёкшейся крови. Мальчик, чуя неладное, мёртвой хваткой вцепился в её лохмотья. Крупные слёзы, точно оборвавшиеся нити жемчуга, бесшумно покатались по его бледным щекам. Он плакал навзрыд, но не издавал ни единого звука, и от этого безмолвного отчаяния у Цинь Чжэна сжималось сердце.

Дрожащими пальцами отирая слёзы с лица сына, женщина повернулась к их спасителю.

— Юный герой Цинь... — её голос едва шелестел. — Ваша милость... Су Цзяо век не забыть. Мне нечем... отплатить за спасение сына.

Цинь Чжэн опустился напротив них и бережно укутал мальчика своим плащом.

— Пустое, не стоит благодарности, — мягко ответил он, качнув головой. — В искусстве врачевания я не силен, но могу поделиться с вами внутренней силой. Это поможет протянуть ещё немного.

Су Цзяо горько, едва заметно улыбнулась и покачала костлявой головой:

— Если истратите силы на меня, а следом нагрянет погоня — пропадём все вместе. Моё тело — как увядшая трава, я уже на пороге смерти. Не переводите силы попусту.

Услышав это, Су Цзыцин заплакал ещё безутешнее. Своими тонкими, бледными ладошками он потянулся к лицу матери. Су Цзяо крепко прижала его к груди и, опираясь рукой о холодный пол, медленно опустилась перед юношей на колени. Цинь Чжэн не стал ей мешать. Он понимал: умирающая мать собирается просить о самом дорогом, что у неё осталось — о своём сыне.

Цинь Чжэн поспешил заговорить первым, опережая её слова:

— Раз уж я ввязался в это дело, то доведу его до конца. Препятствовать вашему земному поклону я не стану — знаю, иначе у вас на сердце не будет покоя. Считайте, что вы меня отблагодарили. Прошу, поднимитесь, госпожа, и говорите без утайки.

Цинь Чжэн и Су Цзыцин бережно помогли ей прислониться к неровной стене. Су Цзяо устремила угасающий взор в темноту свода и пролила одинокую слезу.

— Хозяин долины Вэнь... мёртв, — прошептала она. — Наша обитель разбита наголову, в живых вряд ли кого оставят. Кровавый долг за гибель семьи брата Лю — а ведь там вырезали больше десятка душ! — теперь никогда не вернуть. Долина Павшего Бессмертного осталась перед ним в вечном долгу. Наша гордыня погубила нас всех... Мы угодили в ловушку, подставили под удар каждого ученика. Кто бы мог подумать, что праведники, без умолку толкующие о долге и милосердии, на деле окажутся столь гнусными лицемерами... Прости меня, юный герой Цинь, я не тебя браню... Просто на душе... горько так, что не высказать.

Цинь Чжэн слушал её, совершенно сбитый с толку.

— Так вы явились сюда, дабы отомстить за Лю Юна? Но разве резня в его поместье — дело рук не Божественного учения Кшитигарбхи?

Су Цзяо бессильно качнула головой:

— Брат Лю прошёл с хозяином долины Вэнь сквозь огонь и воду, их узы были крепче стали. То, что он засланный лазутчик из Зала Высочайшей Справедливости, для нас давно не тайна. Но

наш наставник не держал на него зла, и брат Лю до последнего вздоха оставался предан долине. С какой стати хозяину Вэню губить его родную кровь?..

Цинь Чжэн тяжело вздохнул. Картина прояснялась.

— Значит, проныры из Зала Высочайшей Справедливости сперва довели Лю Юна до могилы, а после вырезали всю его семью, дабы свалить вину на Долину Павшего Бессмертного. Хозяин долины Вэнь, верный старой дружбе, поклялся отомстить и отправил вызов. Сами же подлецы из Зала подняли вой на весь мир, притворяясь невинными жертвами, и переманили на свою сторону другие ордены. Это же капкан... Верная гибель. Прикрываясь великой справедливостью, они попрали все неписанные законы цзянху, превратив личную кровную вражду во всеобщий праведный гнев.

— Наш предводитель был слишком благороден, — прошептала Су Цзяо. — Он просто не мог закрыть глаза на смерть названного брата. Впрочем, к чему теперь слова... Наше Божественное учение Кшитигарбхи все вокруг кличут не иначе как Демоническим культом. Благочестивые мужи ворочают носы, почитают нас за порождение бездны, не ведающее чести. Да только если взглянуть на их собственные рожи — много ли среди них отыщется истинных праведников?.. Кхэ...

Су Цзяо содрогнулась в новом приступе мучительного кашля, сплёвывая тёмные сгустки.

— Госпожа, умоляю, не волнуйтесь, — поспешил остановить её Цинь Чжэн. — Горечь отравляет кровь, вам сейчас вредно беречь душу.

Женщина вновь посмотрела на Цинь Чжэна угасающим взглядом. Отдав верхнее платье её сыну, юноша остался в одной лишь белоснежной нижней рубашке. На её воротах, широком поясе и обшлагах виднелась изящная вышивка — нежные бледно-зелёные цветы сливы. Су Цзяо доводилось видеть этот узор прежде — так украшали свои одежды лишь послушники Виллы Обширных Холодов.

— Вы... с Виллы Обширных Холодов? — тихо спросила она.

Цинь Чжэн удивлённо приподнял брови:

— Как вы догадались, госпожа?

— По зелёной сливе, — слабо выдохнула Су Цзяо.

Она в упор посмотрела юноше в глаза, силясь разглядеть, можно ли доверить этому случайному спасителю жизнь своего единственного дитя. Цинь Чжэн встретил её пристальный взор спокойно. Он выпрямился, расправив плечи, и не отвёл взгляда.

Природа одарила его плутовским разрезом глаз, сулящим легкомыслие, но сейчас он смотрел с безупречной честностью и благородством. Глядя на него, испускающая дух мать вдруг слабо, облегчённо улыбнулась.

— Вы так молоды, юный герой Цинь... Не страшно ли вам сгубить свою судьбу ради двух незащитных беглецов?

Цинь Чжэн лишь качнул головой в знак отрицания:

— Моя совесть чиста, я не творил беззакония. Чего же мне страшиться?

Су Цзяо всё поняла. Она крепче прижала к себе маленького Су Цзыцина и зашептала ему на ухо:

— Никогда... слышишь, никогда не забывай своего имени. Сынок, когда меня не станет, брат Цинь Чжэн позаботится о тебе. Обещай мне: пусть даже ползком, преодолевая боль, ты должен добраться до Утёса Обрыва Воды. Вне нашего учения нам нет приюта на этой земле. Только там ты сможешь выжить и спастись.

Су Цзыцин уткнулся лицом в её плечо, то отчаянно кивая, то мотая головой в беззвучном протесте.

Су Цзяо дышала всё реже. С трудом запустив дрожащую руку за пазуху, она извлекла на свет подвеску и протянула её Цинь Чжэну:

— Юный герой Цинь... молю, сберегите моего мальчика. Его колени... быть может, умелый лекарь ещё сумеет исцелить их. Когда он окрепнет, помогите ему добраться до Утёса Обрыва Воды... и верните тогда этот нефрит.

Цинь Чжэн принял подношение. Нефрит оказался чистейшей воды, приятно холодил ладонь, а на его безупречной поверхности красовался тонкий облачный узор — искусная работа неизвестного мастера. Понимая, что держит в руках бесценную семейную реликвию, юноша бережно опустил подвеску в нагрудный карман и легонько похлопал по нему ладонью.

— Не беспокойтесь, госпожа. Обещаю честью: Цинь Чжэн исполнит всё в точности.

Су Цзяо облегчённо, затихая, вздохнула, словно с её плеч свалилась непосильная ноша. Она прижалась губами к уху сына:

— Дальше сам, сынок... Хозяин долины Вэнь был великим человеком, истинным мужем. Ты тоже... ты должен вырасти таким же. И не вздумай посвятить жизнь одной лишь мести за нас...

Она сделала судорожный вдох.

— Стоит сделать шаг в цзянху — и назад дороги нет... За каждый долг рано или поздно спросят.

Она замолчала. Она бессильно уронила голову на плечо сына. Она пролила последнюю слезу, и женщина перестала дышать навсегда.

Мальчик отчаянно закивал, но тишина, воцарившаяся в груди матери, подсказала ему страшную правду. Он принялся безумно трясти её за плечи, тормошить безжизненное тело, а затем бережно обхватил ладонями её холодеющие щёки. Из горла его не вырвалось ни звука, лишь его глаза заволокло пеленой непрекращающихся слёз. Цинь Чжэн растерянно смотрел на эту безмолвную трагедию, не зная, как облегчить чужое горе. Он потянулся было к мальчику, желая ободряюще коснуться плеча, но вовремя отдёргнул руку, побоявшись напугать несчастного сироту. Любые слова утешения сейчас прозвучали бы фальшиво и глупо, поэтому юноше оставалось лишь сидеть рядом, понутив голову.

Минут час. Мальчик наконец перестал шумно дышать, и Цинь Чжэн решился поднять глаза. Малыш лежал на остывающем теле матери; слёзы на его щеках высохли, а он смотрел в никуда остекленевшим взглядом.

Долго подбирая нужные слова, Цинь Чжэн негромко позвал его:

— Цзыцин... Ушедших не вернуть. Позволь мне предать её тело земле, чтобы душа её обрела покой.

Мальчик даже не повернул головы, лишь едва заметно мотнул ею из стороны в сторону.

— Хочешь есть? Я могу поискать для тебя какую-нибудь пищу.

В ответ — снова безмолвное отрицание.

Цинь Чжэн никогда не умел ладить с детьми, а уж тем более утешать тех, у кого на глазах только что оборвалась жизнь самого близкого человека. Такое горе подкосило бы и взрослого мужа, что уж говорить о слабом калеке. Поняв тщетность своих попыток, юноша умолк и остался сидеть рядом, охраняя чужой покой.

Заметив, что спаситель затих, Су Цзыцин шевельнулся и медленно протянул к нему руку.

Цинь Чжэн тут же подался вперёд:

— Чего ты хочешь? Глоток воды? Еды?

Мальчик наконец поднял на него свои бездонные чёрные глаза, на длинных ресницах которых всё ещё блестили тяжёлые капли. Его бледные щёки раскраснелись от долгого, удушливого плача, но пелена глухого отчаяния мало-помалу рассеивалась, уступая место сосредоточенной суровости. Ребёнок посмотрел с неожиданно холодным, совсем не детским блеском. Переведя взгляд на нагрудный карман рубахи Цинь Чжэна, он требовательно шевельнул пальцами.

Юноша сообразил, что малютка просит материнский подарок. Он торопливо вытащил из-за пазухи подвеску — та успела согреться от его собственного тепла — и вложил её в ладонку Су Цзыцина. Мальчик долго всматривался в узорчатую поверхность нефрита, затем прижал его к своей щеке и вновь безутешно прильнул к плечу покойной матери.

Но сидеть сложа руки бесконечно было нельзя. Теперь, когда умирающая мать вверила ему заботу о сироте, жизнь этого ребёнка лежала целиком на его совести. Сумерки стремительно сгущались, в глухой горной пещере становилось сыро и промозгло. Нужно было во что бы то ни стало развести огонь, чтобы согреться.

Глядя на затылок притихшего мальчика, Цинь Чжэн негромко проговорил:

— Малыш, я ненадолго отлучусь. Соберу сучьев для костра, поищу хоть какую-то еду и воду. Меня не будет совсем недолго, не бойся. Я мигом вернусь.

Стоило ему приподняться, как Су Цзыцин резко обернулся и отчаянно замотал головой. Он смотрел с таким диким, первобытным ужасом, что у Цинь Чжэна дрогнуло сердце. Юноша вздохнул и опустил обратно на холодный камень.

— Хорошо-хорошо, я никуда не уйду. Останусь с тобой.

Убедившись, что спаситель никуда не уходит, мальчик немного успокоился и вновь приник к безжизненному телу. Если бы Цинь Чжэн не слышал ранее, как тот звал мать, он наверняка счёл бы его немым.

Мрак за пределами пещеры сгущался, принося с собой промозглый ночной холод. Боясь, что и без того израненный ребёнок простудится и занеможет ещё сильнее, Цинь Чжэн с тревогой спросил:

— Колени сильно ноют? Расскажи мне, где болит сильнее всего?

В ответ — лишь глухое молчание.

Цинь Чжэн удручённо вздохнул и пробормотал себе под нос:

— С детьми я дела никогда не имел, да и красноречием не отличаюсь. Если ляпну глупость — не серчай. Давай договоримся: раз уж говорить тебе не хочется, просто кивай или мотай

головой. Ладно?

Су Цзыцин едва заметно кивнул.

Уже хоть что-то. Повеселев, Цинь Чжэн ласково спросил:

— Есть хочешь?

Мальчик мотнул головой.

— А пить?

И снова — нет.

— Тебя не знобит? Жара нет?

Су Цзыцин сначала качнул головой, но тут же кивнул. Цинь Чжэн невольно всполошился:

— То в жар, то в холод бросает? Неужто лихорадка началась? Дай-ка погляжу!

Не давая мальчику отстраниться, он осторожно приложил ладонь к его лбу, а затем — к собственному.

— Горишь весь! С такой лихорадкой морить себя голодом и жаждой нельзя. Посиди спокойно, я всё же разведу костёр.

Но стоило ему сделать шаг, как мальчик вцепился в его полу крохотными пальцами. Цинь Чжэн обернулся и, встретившись взглядом с полными мольбы глазами сироты, замер как вкопанный.

— Цзыцин, ты болен, — мягко, уговаривающим тоном произнёс он. — Тебе нужно согреться, иначе болезнь заберёт последние силы. Поверь мне, я тебя не брошу. Слышишь? Ни за что на свете.

Мальчик не отпускал ткань, лишь потянул её на себя, безмолвно умоляя остаться рядом.

Цинь Чжэн помедлил, а затем нерешительно раскрыл объятия.

— Всё ещё боишься? Хочешь, я тебя обниму?

Юноша ждал новой вспышки упрямства, но Су Цзыцин, помедлив секунду, разжал пальцы. Оставив тело матери, он робко, а затем всё отчаяннее прильнул к своему спасителю. Мальчик обвил тонкими ручонками его шею, уткнулся лицом в плечо. Его лоб, горячий, как раскалённый уголь, коснулся щеки Цинь Чжэна.

Стараясь не задеть искалеченные колени ребёнка, Цинь Чжэн бережно перехватил его поудобнее, прижимая к груди. словно укачивая младенца, он принялся легонько похлопывать сироту по подрагивающей спине.

— Где болит, малыш? На душе совсем скверно, верно? Поделись со мной...

— Цзыцин?

—... Ну же, маленький Цзыцин.

Мальчик упрямо помалкивал. Цинь Чжэн со вздохом уткнулся подбородком в его макушку, мысленно сокрушаясь: с таким нелюдимым попутчиком он сам не заметит, как превратится в пустомелю.

Пока он предавался унылым думам, Су Цзыцин судорожно вздохнул и крепче сжал ладони на его шее. Мальчик наконец тихо и прерывисто прошептал, полный горьких слёз:

— Мне плохо... Очень плохо...

<http://bllate.org/book/19742/2039287>